

Екатерина Свет

Таня Белкова

НАУКА
СЛУЖИТ
СПРАВЕДЛИВОСТИ

ПРАВДА
ВСЕГДА
ОСТАВЛЯЕТ
СЛЕДЫ

СЛЕДСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ

ДЕЛО

МОЙ СУДМЕДЭКСПЕРТ

Немые свидетели

Таня Белкова

**Мой судмедэксперт.
Немые свидетели**

«Автор»

«Автор»

2026

Белкова Т.

Мой судмедэксперт. Немые свидетели / Т. Белкова — «Автор»,
«Автор», 2026

Я приехала из Москвы расследовать смерть аудитора, а застала в морге чиновника, торопящегося отправить тело на кремацию. Единственный, кто встал рядом со мной, — судмедэксперт Родион Соболев. Его не купить и не запугать. Но за правду в этом городе расплачиваются жизнью. Я привыкла держать пистолет под подушкой и никому не доверять: однажды любимый мужчина уже предал меня ради карьеры. Соболев не просит поверить словам — он закрывает меня собой. И рядом с ним страшнее всего становится не погибнуть, а снова полюбить. Мы ищем доказательства против тех, кто привык списывать убийства на болезнь. Они готовы сжечь бюро вместе с нами. Сумею ли я доверить Родиону не только расследование, но и собственное сердце?

© Белкова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Екатерина Свет

Мой судмедэксперт. Немые свидетели

Мой судмедэксперт. Немые свидетели

Екатерина Свет и Таня Белкова

Глава

1

Ледяной октябрьский дождь хлестал в лобовое стекло служебной «Лады» всю дорогу от вокзала, размывая огни незнакомого промышленного города в мутные желтые кляксы. К полуночи ливень только разошелся, заливая глубокие выбоины в разбитом асфальте заводской окраины.

Здание Городского бюро судебно-медицинской экспертизы встретило меня глухим тупиком за высоким бетонным забором с колючей проволокой. Трехэтажная пристройка из серого силикатного кирпича при старом корпусе бюро казалась абсолютно вымершей, если бы не тусклый свет цокольных окон и въедливый, тошнотворный дух фенола, хлорной извести и застарелого сладковатого тлена. Этот запах невозможно спутать ни с чем: он въедается в поры кожи, в волосы и шерсть пальто с первых же секунд, оставаясь там на недели.

Я толкнула тяжелую, обитую потрескавшимся дерматином дверь приемного покоя.

Под высоким потолком монотонно зудели люминесцентные лампы, заливая выщербленный белесый кафель мертвенно-синюшным светом. Прямо посреди узкого коридора стояла металлическая каталка на высоких резиновых колесах. Под тонкой, влажной серой простыней отчетливо угадывались очертания массивного мужского тела. Возле нее сустились двое широкоплечих парней в засаленных синих спецовках с эмблемами частного ритуального агентства «Мемориал». На полу у их ног лежал развернутый плотный мешок из черного полиэтилена.

— Давайте без задержек, орлы, — раздался из полумрака сытый, бархатный баритон. — Катафалк под парами у дебаркадера. Вдова оплатила срочную ночную кремацию. В два часа ночи печь должна быть загружена, иначе сорвете график.

Из тени дверного проема вышел мужчина лет сорока пяти. Расстегнутое кашемировое пальто верблюжьего цвета, темно-синий костюм безупречного индиго, аккуратная холеная борода и тяжелый, самоуверенный взгляд чиновника, привыкшего открывать любые двери ударом ноги.

Советник юстиции Сазонов. Куратор по надзору за следственными органами из областной прокуратуры — главная фигура негласной силовой крыши регионального фармацевтического холдинга «Биосинтез».

— Доброй ночи, советник, — ровным, подчеркнуто официальным тоном произнесла я, делая шаг вперед. Каблуки моих форменных туфель сухо и гулко шелкнули по бетонным плитам.

Сазонов медленно повернул голову. На его лице мелькнула брезгливая досада, тут же сменившаяся снисходительной, приторной усмешкой:

— Майор юстиции? Быстро же столичный десант Следственного комитета бегают по лужам. Только зря промочили ноги, Майя Сергеевна. По ночам в этом заведении работают исключительно с мертвецами, а они, как известно, показаний не дают.

— Я прибыла по факту скоропостижной гибели Горчакова Вадима Николаевича, ведущего аудитора Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения, — ответила я, не вступая в словесную пикировку. Я расстегнула пальто, достала служебное удостоверение старшего следователя по особо важным делам ГСУ СК России в темно-красном коленкоровом переплете и жестко раскрыла его перед глазами Сазонова. Второй рукой на конторку дежурного

легла тяжелая папка с гербовой печатью. — Постановление о возбуждении уголовного дела по части первой статьи сто пятой Уголовного кодекса и прямое предписание Председателя СК о назначении комиссионной судебно-медицинской экспертизы. Дежурный, зарегистрируйте постановление. Немедленно.

Сазонов даже не скользнул взглядом по красным корочкам. Ленивым, давящим движением он накрыл журнал приема пухлой ладонью с тяжелой золотой печаткой:

— Не сотрясайте воздух, майор. Вы в субъекте, а не в своем столичном стеклянном офисе. Ваша бумага — просто макулатура, пока на ней нет согласующей визы прокурора области. А ее не будет. Горчаков страдал гипертонией третьей степени. На вызове в гостинице бригада скорой помощи зафиксировала острую коронарную недостаточность, кардиогенный шок. Сердце не выдержало командировочных нагрузок. Врач поликлиники уже оформил медицинское свидетельство. Родственники требуют немедленной выдачи для погребения по обряду. Закон обязывает нас пойти навстречу. Грузите, парни.

Санитары ухватились за каталку, направляя ее к выходу на уличный пандус.

Внутри меня тугой пружиной распрямилась холодная, расчетливая ярость. Горчаков приехал в этот закрытый город три дня назад, чтобы опечатать склады «Биосинтеза» с неучтенными партиями опасных психотропных анальгетиков, а четыре часа назад его нашли на ковре гостиничного номера с посиневшим лицом и перекошенным ртом. Никакого естественного инфаркта там быть не могло.

Я сделала молниеносный выпад вперед, наперерез каталке, встала спиной в створ узких дверей и уперлась плечом в кованый косяк. Правая рука со щелчком расстегнула кобуру на форменном ремне, пальцы легли на рифленую рукоять табельного пистолета Макарова.

— Стоять. Следственный комитет Российской Федерации. Попытка несанкционированного вывоза вещественного доказательства будет расценена как воспрепятствование правосудию. Положу обоих на кафедру по девяносто первой статье УПК. Сазонов, осаждай своих гробовщиков, пока я не зафиксировала попытку похищения трупа прямо в протоколе осмотра.

Санитары испуганно замерли. Каталка с металлическим лязгом ткнулась передними роликами в плинтус. Парни попятились, не желая рисковать шкурой ради чужих денег.

Сазонов побагровел. Шея над тесным шелковым воротником вздулась, глаза налились темной прокурорской злобой. Он шагнул ко мне вплотную, тыча пухлым пальцем в лацкан моего пальто:

— Ты берега попутала, девочка?! Я тебя прямо здесь в ИВС закрою за превышение служебных полномочий! У меня на руках врачебное свидетельство! Труп чистый, морг не имеет процессуального права его удерживать!

Он потянулся вперед, намереваясь всей массой оттереть меня от дверного проема.

В эту секунду за нашими спинами с тяжелым металлическим гулом разошлись массивные стальные двери шлюза, ведущего в секционный блок.

В проем шагнул высокий, необычайно широкоплечий мужчина в глухом темном хирургическом костюме под плотным прорезиненным фартуком. Рукава были закатаны по локоть, обнажая мускулистые, жилистые предплечья с белесыми рубцами старых осколочных ранений. Мощная гранитная челюсть, жесткая вертикальная складка меж прямых бровей и тяжелый, сосредоточенный прищур серых радужек с темным графитовым ободком. В правой руке в синей нитриловой перчатке поблескивал тонкий анатомический пинцет.

Заведующий танатологическим отделением Родион Соболев. Бывший ведущий хирург полевого госпиталя, прошедший две военные кампании, с безупречной репутацией человека, которого невозможно ни подкупить, ни запугать.

Соболев прошел мимо надзорного прокурора так, будто Сазонов был неодушевленным предметом мебели. От Родиона веяло ментолом, крепким табаком и металлическим холодом чистой хирургической стали.

Подойдя к каталке, он одним коротким движением сдернул серую простыню.

Перед нами предстало грузное тело мужчины лет сорока пяти. Кожные покровы были серо-пепельными, с выраженным синюшным оттенком в области шеи, губ и мочек ушей. Лицо застыло в неестественной маске мучительного спазма.

Соболев склонился над покойным. Двумя пальцами он приподнял верхнее веко Горчакова и щелкнул карманным диагностическим фонариком:

— Зрачковая кайма сохраняет токсический миоз. При острой коронарной смерти наблюдается диффузный мидриаз. На конъюнктиве век — множественные петехиальные кровоизлияния. На коже носогубного треугольника — точечные экхимозы удушья. Это классическая картина острой токсической асфиксии с быстрым параличом дыхательного центра.

Он выпрямился во весь свой внушительный рост, возвышаясь над застывшим Сазоновым, и ледяным тоном отчеканил:

— Труп имеет явные признаки криминального отравления сильнодействующим токсином. Я принимаю тело Горчакова в официальное экспертное производственное бюро. Прокурор Сазонов, немедленно покиньте режимную зону. Вы препятствуете работе государственного эксперта.

В приемном покое повисла оглушительная, гулкая тишина. Было слышно только, как за окнами барабанит ледяной дождь.

Я мгновенно придвинула к себе раскрытый журнал регистрации, вписала номер уголовного дела и размашисто поставила свою подпись:

— Постановление зарегистрировано. Тело процессуально изъято следствием. Освободите коридор.

* * *

Сазонов побелел от ярости. Его пальцы судорожно сжались, комкая верблюжий кашемир пальто.

— Соболев! — сорвался он на сиплый, визгливый крик, когда Родион уверенно покатил каталку к шлюзу. — Ты под трибунал пойдешь! Ты завтра вылетишь из бюро без права врачебной практики до конца дней, волк ты окопный! Ты забыл, кто утверждает бюджет твоего гадюшника?!

— Мои действия строго регламентированы федеральным законодательством о государственной экспертной деятельности, советник, — даже не повернув головы, бросил Родион. — Жалуйтесь в письменном виде.

Сазонов в бешенстве рванулся следом, пытаясь вклиниться в закрывающийся шлюз, но Соболев с оглушительным звоном захлопнул тяжелую кованую решетку прямо перед его лицом. С потолка посыпалась штукатурка. Родион опустил массивный чугунный ригель и провернул сейфовый ключ в замке.

— Прием граждан с девяти утра, — глухо отрезал он сквозь стальные прутья.

Мы покатали каталку по длинному кафельному переходу вглубь здания. Здесь царила кладбищенская прохлада, пахло концентрированным формалином и холодной водой.

Внезапно под потолком с громким сухим треском лопнула лампа. Свет моргнул и разом погас во всем секционном блоке. Следом с протяжным затухающим свистом замерли мощные вытяжные вентиляторы. Здание моментально погрузилось в непроглядную, липкую и холодную тьму.

Я машинально отступила назад, прижимаясь лопатками к кафельной стене, и сняла пистолет с предохранителя. Пульс тяжело бил в горле.

— Спокойно, майор, — раздался в темноте невозмутимый, глубокий голос Родиона совсем рядом со мной. — Сазонов обесточил наш ввод через распределительный щит на внешней подстанции. Берут на измор.

В подвальном коридоре слышались тяжелые шаги, и знакомый старческий голос глухо проворчал:

— Ишь, пададь прокурорская, свет отрубили... Думают, у Матвеича запаса нет! Держитесь, командиры, сейчас дадим огня!

Через мгновение под нашими ногами утробно и басовито зарычал тяжелый дизель-генератор. Бетонный пол мелко завибрировал. Над секционным столом в глубине зала ровным белым светом вспыхнул широкий купол операционного софита, следом ожили тусклые желтые лампы аварийного освещения. Из подвала поднялся коренастый старик в замасленном брезенте с гаечным ключом в руке — старший санитар Матвеич.

— Генератор на боевом взводе, Родион Васильевич, — сплюнул старик. — Солярки в баке на сутки непрерывной пахоты.

— Держи нижний контур, Матвеич, — кивнул Соболев.

Глава

2

В этот момент в боковом смотровом боксе я уловила лихорадочное мелькание. Молодой парень в синей спецовке фельдшера скорой помощи в панике пытался запихнуть в топку старого утилизатора длинную ленту термобумаги.

Я бесшумно шагнула в бокс, железной хваткой сгребла его за шиворот и впечатала лопатками в стену:

— Стоять! Следственный комитет!

Парень вскрикнул, выронив бумагу, и затрясся мелкой дрожью:

— Я ничего... я просто выполнял указания!

Я наступила носком туфли на ленту и подняла ее. Это была первичная двенадцатиканальная кардиограмма Горчакова, снятая бригадой номер семь на вызове в гостинице. Изолиния тянулась строго горизонтально, интервалы зубцов сохраняли анатомическую норму, подтверждая отсутствие острой коронарной патологии или фибрилляции. Сердце угасало от развивающейся гипоксии и паралича дыхательного центра.

— Фельдшер Кузьмин? — прочла я на пластиковом бейдже, вдавливая локоть ему под ключицу. — Статья триста третья Уголовного кодекса — фальсификация доказательств, и соучастие в убийстве через укрывательство. Кто дал команду сжечь кардиограмму?

Парень разрыдался, размазывая пот по щекам:

— Черный «Мерседес» прокуратуры перехватил нас у гостиницы! Водитель сунул пачку пятитысячных — сто тысяч там! Сказал: напишешь в карте обширный инфаркт, а пленку уничтожишь, иначе живым до утра не доедешь... Я жить хочу!

— Пленку я изымаю протоколом, — отрезала я, пряча свернутую ленту во внутренний карман кителя. — Сидеть здесь. Дернешься к выходу — пойдешь по этапу.

Я подошла к настенному аппарату связи: провод был аккуратно перекушен у плинтуса. На экране моего смартфона горел пустой значок: синдикат запустил мощную глушилку с машины наружки, наглухо забив радиоэфир. Связи с внешним миром не было.

Я открыла кожаный планшет, достала запасной бумажный журнал процессуальных бланков СК с синей копиркой: если нас заперли в осаде, мы задокументируем каждый надрез чернилами на гербовой бумаге по всем законам криминалистики.

* * *

Секционный зал номер один встретил нас стерильным сиянием полированной хирургической стали. Над столом горел мощный бестеневой светильник. Соболев сменил перчатки и надел защитные очки.

— Готова, майор?

— Протокол открыт. Время ноль часов сорок минут.

Родион взял длинный секционный нож. Одним плавным, точным движением он рассек ткани от яремной вырезки до лонного сочленения. В воздухе мгновенно встал тяжелый, солоновато-медный запах вскрытого тела. Анатомическими ножницами Соболев с сухим хрустом перекусил реберные хрящи, снял грудинную пластину и обнажил органы грудной клетки.

— Острый отек легких, — диктовал Родион. — Плевральные полости свободны. Сердечная сорочка без патологий.

Он ювелирно выделил сердце, уложил на весовой лоток — триста сорок граммов, абсолютная норма. Затем лезвием скальпеля сделал серию продольных сечений по ходу венечных артерий. Мое дыхание замерло от напряжения.

— Венечные сосуды полностью проходимы на всем протяжении, стенки гладкие, эластичные, атеросклеротические бляшки отсутствуют, тромбов нет, — Соболев поднял на меня взгляд, полный выжидательного спокойствия опытного военного хирурга. — Миокард однородный, плотный, темно-красный. Сердце сорокалетнего здорового мужчины. Он умер не от инфаркта, Майя. Его убили.

— Где точка входа токсина?

Начался изнурительный поиск. Соболев сантиметр за сантиметром исследовал кожные покровы: вены локтевых сгибов, запястья, паховые складки, подколенные ямки, шею. Ничего. Чисто. Прошло сорок минут напряженного молчания, нарушаемого лишь мерным гулом генератора.

— Убийца бил профессионально. Он искал место без болевых рецепторов и крупных сосудов, чтобы жертва не успела вскрикнуть, — пробормотал Родион, осторожно поворачивая голову покойного на правый бок.

Взяв лупу с десятикратным увеличением и налобный фонарь, Соболев начал аккуратно раздвигать густые волосы за левым ухом погибшего, спускаясь в естественную складку сосцевидного отростка.

— Есть. Смотри сюда, майор.

Я наклонилась к его плечу, коснувшись плечом плотной ткани его костюма, ощутив жар его тела и горький аромат кедра. В линзе лупы, на дне кожной складки, виднелась крошечная багровая точка диаметром в четыре десятых миллиметра. Вокруг нее расходился бледный трехмиллиметровый ободок спазмированных капилляров.

— Микропрокол, — выдохнула я. — Игла ультратонкого тридцать первого калибра.

Соболев ювелирно иссек лоскут ткани с зоной прокола, взял пробу крови из правого предсердия и нанес капли на фарфоровую пластину с экспресс-полосками токсинов.

Мы ждали три минуты. Индикаторы на фосфорорганику, цианиды, алкалоиды и тяжелые металлы остались слепо-серыми. Стандартные тесты молчали.

— Не опускай руки, — Родион на секунду накрыл мою холодную ладонь своей сильной горячей рукой в перчатке. — Простые яды они бы не применили. Запустим криостат.

Он перенес биоптат в камеру микротомы-криостата, заморозил ткань углекислотой до минус двадцати пяти градусов, сделал тончайший срез в пять микрон, окрасил гематоксилин-эозином и поместил под объектив микроскопа Olympus.

Прильнув к окулярам, Родион замер. Желваки на его скулах окаменели.

— Взгляни, Майя.

Я прижалась к окулярам. Клетки дермы были интактны, но синаптические терминалы двигательных нервных волокон представляли собой сплошную зону тотального лизиса и распада, а прекапилляры были сжаты в спазме.

— Это синтетический курареподобный паралитический агент селективного действия, — глухо произнес Родион над моим ухом; его горячее дыхание обожгло висок. — Он блокирует дыхательную мускулатуру ровно за сорок секунд. Человек задыхается в полном сознании, а сердце встает от нехватки кислорода. В восемнадцатом году военные вели эту тему под кодо-

вым шифром «Анальгокурины». После закрытия проекта патент выкупил наш местный фарм-гигант «Биосинтез».

Внезапно на лабораторной стойке истошно завибрировал армейский радиопейджер Соболева. На зеленоватом экране вспыхнул текст:

«РОДИОН, ВЫЛЕЙ ВСЕ ПРОБЫ В СЛИВ ДО 06:00. ИНАЧЕ ДОМ ТВОЕЙ СЕСТРЫ СГОРИТ ВМЕСТЕ С ДЕТЬМИ. А.Б.»

А.Б. — Анатолий Борисович Ветров, первый заместитель прокурора области.

— Твоя семья... — прошептала я, чувствуя, как леденеет спина.

Соболев посмотрел на меня с ледяной, уничтожающей яростью:

— Сестра три года живет в Мурманске под фамилией мужа. Ветров только что подписал себе приговор.

Он чиркнул спичкой, разогрел сургуч и густо залил крышку контейнера с иссеченным биоптатом, с сокрушительной силой вдавив латунную печать судебного эксперта:

— Запечатывай кровь, Майя. Мы доведем это дело до конца.

* * *

Мы не успели остудить сургуч, как снизу, со стороны разгрузочного дебаркадера, раздался оглушительный скрежет рвущегося железа. Следом взревел форсированный двигатель.

— Пошли, — бросил Родион.

Он сорвал со стены тяжелый огнетушитель ОУ-5, я сунула опечатанные контейнеры во внутренний карман пальто и выхватила пистолет Макарова, с металлическим лязгом вогнав патрон в патронник.

На галерее перед разгрузочной рампой пахло дождем и гарью. Ворота дебаркадера были вырваны наружу стальным тросом, зацепленным за микроавтобус без номеров. В проем ввалились трое рослых боевиков в черных балаклавах, вооруженные утяжеленными арматурными прутьями и мощными шокерами.

— Стоять! Следственный комитет! Оружие на пол! — крикнула я, перекрывая рев мотора.

Главарь осклабилась сквозь прорезь маски и рванулся по бетонным ступеням прямо на меня, заноса арматуру для сокрушительного удара.

В узком бетонном мешке стрелять в пол или стены было нельзя — рикошет цельнооболочечной пули неминуемо посек бы нас обоих. Я хладнокровно вскинула ствол вертикально вверх и выжала спуск.

Грохот выстрела под низкими сводами ударил по барабанным перепонкам, как разрыв гранаты. Пуля с визгом вонзилась в массивную сосновую балку перекрытия, осыпав нападающих градом щепы. Главарь на долю секунды опешил, но по инерции влетел на площадку, сбивая меня плечом.

Удар о железобетонную опору вышиб воздух из легких, острая боль обожгла плечо. Бандит прижал мою руку с оружием к груди, заноса тяжелый кулак для дробящего удара мне в челюсть.

В этот миг за его спиной бесшумной тенью вырос Родион.

Без замаха, страшным армейским ударом основания ладони снизу вверх он впечатал подбородок нападающего в черепную коробку. Хрустнули шейные позвонки. Родион молниеносно заломил его руку через колено и со всей мощью впечатал бандита лицом в стальной угол разгрузочной эстакады. Главарь обмяк, выронив арматуру.

— Не трогай ее, падаль, — глухо прорычал Соболев.

Второй штурмовик уже заносил полутораметровую стальную трубу над головой Родиона, пока тот вязал третьего.

Я рванулась вперед, сдернула с пожарного щита второй баллон ОУ-5 и всем телом, вложив всю боль ушибленного плеча, впечатала чугунное донце прямо в ребра нападающего. Раздался сухой треск костей, бандит захлебнулся воплем и кубарем покатился вниз по ступеням.

Третий боевик в панике завопил:

— Назад! Валим!

Он втащил обмякшего главара в салон микроавтобуса. Машина с истошным визгом покрышек рванула задом в дождливую тьму, разнося мусорные баки.

На бетоне остался лишь стонущий боевик со сломанными ребрами да выроненная портативная рация Motorola. Я подошла и подняла ее: на корпусе желтела трафаретная краска: «Гараж прокуратуры области. Авт. № 04».

Соболев подхватил меня за талию, буквально оторвал от пола и втянул внутрь бронированного тамбура, с грохотом захлопнув внутреннюю дверь и опустив засов.

Он прижал меня к стене, закрывая своим широким телом. Его тяжелые руки легли мне на плечи. Я чувствовала, как ходит его грудь, ощущала жар его кожи и терпкий запах порохового дыма.

— Майя... — прошептал он, и в его серых глазах плескался неистовый, жгучий страх за мою жизнь. — Ты цела? Ты ранена?

Его пальцы бережно коснулись моей шеи, скользнули к ушибленному плечу. Я вздрогнула от резкой вспышки боли и одновременно — от электрического жара его ладони. Я подняла руку и кончиками пальцев стерла след копоты с его скулы:

— Цела, Родион. Благодаря тебе.

На одно мгновение наши взгляды скрестились, и в воздухе зазвенело то невысказанное, после чего люди уже не могут оставаться чужими.

Глава

3

Мы поднялись на второй этаж, в просторный кабинет заведующего с дубовыми шкафами и тяжелым сейфом.

Я осторожно выглянула в окно: центральный въезд и фасадную улицу плотно перекрыли два седана наружки, у фонарного столба маячили трое с карабинами.

— Главный выезд заблокирован, — тихо сказала я. — Попытаемся пробиться через центральные ворота — попадем под перекрестный огонь прямо на проспекте.

— Через фасад соваться самоубийство, — подтвердил Родион, бинтуя сбитые костяшки руки. — Но задний пандус дебаркадера упирается в глухие тупики старой промзоны, о которых чужаки не знают. К рассвету река натянет плотный туман, и мы уйдем дворами. А пока стены здесь метровые, царской кладки, вода и генератор есть. До утра это надежная крепость.

Мы переложили пробы Горчакова, кровь и кардиограмму в переносной металлический кейс. Родион намертво залил кодовый замок быстротвердеющим полимерным клеем, а я опечатала стыки гербовой лентой СК с личной подписью и точным временем: «03:42».

Затем мы разложили на столе вещи из карманов погибшего аудитора. Среди бумаг лежал сложенный рукописный лист — неофициальный маршрутный журнал Горчакова.

Последняя запись гласила:

«18 октября. Склад спецпрепаратов «Биосинтеза». Недостача опытной партии из пятидесяти ампул «Анальгокурина-Д». Списание утвердил Сазонов. Полина Смирнова подтверждает: ее отец, главный технолог Смирнов Павел Андреевич, погиб месяц назад от той же иглы за отказ синтезировать яд. Контрольные стекла тканей отца спрятаны Полиной в архиве БСМЭ...»

Я подняла глаза на Родиона:

— Смирнов... Кто проводил его вскрытие?

— Эксперт Григорьев, которого сразу после этого перевели на повышение, — потемнел лицом Родион. — Диагноз — кардиосклероз. А Полина работает прямо здесь, этажом ниже, моим старшим лаборантом. Она тайно сохранила образцы!

В этот миг трофейная рация на столе зашипела голосом Сазонова:

— Майор юстиции, слушай сюда! Здание оцеплено. В восемь ноль-ноль ОМОН пойдет на штурм под предлогом освобождения заложников от взбесившегося эксперта. Срок до восьми утра: отдайте тело и бумаги, иначе живыми оттуда не выйдете!

Я взяла рацию, нажала тангенту и холодно произнесла:

— Советник Сазонов. Постановление зарегистрировано, биоматериалы опечатаны. Любой силовой штурм пойдет по статье двести семьдесят седьмой УК — посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие. Мы ждем вас в восемь ноль-ноль, советник.

Я с силой выломала антенну из гнезда и швырнула прибор в урну.

На часах было четыре утра. До назначенного штурма оставалось ровно четыре часа.

Меня начала колотить крупная дрожь от холода и отката адреналина. Мокрая блузка липла к спине, ушибленное плечо ныло.

Родион подошел ближе. Бережно помог мне снять грязное форменное пальто, снял со спинки стула свой тяжелый шерстяной пиджак — просторный, пахнувший кедром, снегом и трубочным табаком — и набросил мне на плечи. Сухое глубокое тепло окутало тело, возвращая способность дышать.

Он вскипятил чайник, налил в кружку крепкий черный чай и протянул мне:

— Пей, Майя. Ты под моей защитой. До восьми утра они не сунутся.

Он повернул ключ в дубовой двери на два оборота и опустил тяжелый стальной засов.

Я опустилась на кожаный диван, грея ладони о кружку и кутаясь в полы его пиджака. Родион сел на край стола напротив, заканчивая перевязку руки.

— Полина придет к шести утра через подземный переход вивария, — негромко сказал он. — Мы поднимем архивные стекла ее отца. И тогда похороним весь этот синдикат.

Он посмотрел на меня — прямо, надежно, с той несокрушимой мужской силой, которая не оставляет места страху:

— Отдыхай, майор. Пока я дышу — сюда никто не войдет.

Я закрыла глаза, вдыхая терпкий запах его пиджака и чувствуя, как отступает ночной холод. Впереди был рассвет и бой, но в этой запертой комнате я знала точно: мы выстоим.

* * *

Настенные часы в кабинете заведующего отсчитали половину шестого утра.

Сквозь щель между тяжелыми суконными шторами пробивался первый предрассветный свет — пепельный, сырой, свинцовый. Ледяной дождь за окном стих, сменившись мелкой моросью, повисшей над заводской окраиной промозглой сизой пеленой.

В кабинете пахло остывающим металлом, пороховой гарью и старыми книгами. На полу у сейфа неподвижно стоял металлический бокс с опечатанными пробами Горчакова — клей на кодовом замке окончательно полимеризовался, превратившись в монолитное стекло.

Я сидела за дубовым столом, превозмогая тупую, пульсирующую боль в правом плече. Адреналин ночного боя на дебаркадере схлынул без остатка, оставив после себя ледяную пустоту и свинцовую тяжесть во всем теле. Мокрая блузка остыла и неприятно липла к лопаткам, а правую руку било мелкой мышечной судорогой — ушиб о железобетонную опору не прошел даром.

Стиснув зубы, я открыла крышку служебного ноутбука. Пальцы левой руки легли на клавиатуру, но стоило правой коснуться клавиш, как предплечье прострелило острой судорогой. Рука дернулась, выбив на экране бессмысленный ряд косых знаков.

— Отставить протоколы, майор, — раздался за спиной негромкий, глубокий бас.

Родион подошел бесшумно. Он уже сменил окровавленный фартук на темный хлопчатобумажный лонгслив, обтягивающий широкую грудь и плечи. На его сбитых костяшках белел свежий эластичный бинт.

Он поставил на стол передо мной тяжелую керамическую кружку с чистой горячей водой, а затем его большая, шершавая и удивительно теплая ладонь мягко накрыла мою дрожащую кисть.

— У тебя острый спазм надостной мышцы и глубокая гематома в зоне плечевого сплетения, — спокойно произнес Соболев. — Если сейчас не снять спазм и не восстановить отток — к восьми утра рука повиснет плетью. Закрывай ноутбук.

Я вскинула подбородок, пытаясь удержать привычную служебную дистанцию:

— Соболев, я старший следователь по особо важным делам. Свои травмы я зафиксирую в поликлинике ведомства, когда мы снимем окружение. Сейчас мне нужно отправить спецпорт Румянцеву.

Родион даже не улыбнулся. Он достал из медицинского шкафа темный стеклянный флакон со спиртом, стерильные марлевые салфетки и тюбик с противовоспалительным гелем на змеином яде.

— В этой комнате нет начальников и подследственных, Майя, — сказал он, глядя мне прямо в глаза своим прямым, стальным взглядом. — Есть женщина, которая два часа назад спасла мне жизнь, впечатав огнетушитель в ребра наемнику, и хирург, который сейчас поможет ей с травмированным плечом. Снимай китель. Сама, или мне помочь?

Его спокойная, непререкаемая уверенность действовала сильнее любого приказа. Спотычь не имело смысла — рука действительно горела огнем.

Я неловко растегнула форменные пуговицы кителя левой рукой и стянула его через плечи, оставшись в тонкой блузке.

Родион опустился на одно колено рядом с моим креслом.

Его пальцы — длинные, чуткие, знающие каждый нерв и связку — осторожно легли на мое обнажившееся плечо. Прикосновение было настолько теплым и бережным, что по спине пробежала волна мурашек. Он медленно нащупал триггерный узел у края лопатки.

— Вдохни и сожми зубы, — тихо предупредил он.

Его большой палец с выверенной силой нажал на спазмированное сухожилие. Острая вспышка боли заставила меня зажмуриться и впиться ногтями в край сиденья. Но уже через секунду в мышцах что-то глухо щелкнуло, натянутый тяж расправился, и на смену боли хлынуло невыразимое, целебное тепло.

— Связки целы, суставная сумка на месте, — шепнул Родион, мягкими круговыми движениями втирая мазь в мою кожу.

Он поднял глаза. Мы оказались лицом к лицу — так близко, что я видела темные крапинки на его серых радужках и крошечный след от старого порохового ожога на скуле. В его взгляде горело живое, обжигающее тепло, от которого по телу пробежала горячая дрожь, а дыхание сбилось на полувдохе.

— Спасибо... — выдохнула я, чувствуя, как краска заливает щеки.

— Не за что, майор. Ты крепче, чем кажешься.

Он поднялся, наложил на плечо тугой восьмиобразный бандаж из эластичного бинта и подошел к маленькой электрической плитке в углу.

Достал из тумбы медную чеканную турку, насыпал две ложки тонко смолотого эфиопского кофе, бросил щепотку зеленого кардамона и кристалл тростникового сахара. Через пару минут по кабинету поплыл густой, пряный, кружащий голову аромат свежего кофе. Он вытеснил из комнаты смрад формалина, копоти и страха, наполнив пространство уютом, которого я не знала много месяцев.

Родион перелил кофе в толстостенную глиняную чашку и протянул мне:

— Пей маленькими глотками. Сердце запустит, туман из головы выветрит.

Я сделала глоток. Терпкая горечь с прохладным мятым оттенком кардамона прокатилась по горлу, согревая желудок и разливая по замерзшему телу живую силу.

— В Москве меня учили, что в регионах нельзя верить никому, — негромко произнесла я, глядя, как кружится пар над чашкой. — Что местные кадры либо куплены синдикатами, либо запуганы до немоты.

Родион присел на край стола напротив меня, глядя в окно:

— Я четыре года провел в полевом госпитале под огнем. Там правила простые: продал товарища — сдохнешь сам через неделю, но уже без чести и памяти. Я не продаюсь, Майя. Ни за миллионы Ветрова, ни за министерские кабинеты.

Он достал из ящика стола серую картонную папку и положил передо мной:

— Посмотри, кстати. Это финансовые заявки нашего бюро за прошлый квартал. Все поставки реактивов для хромато-масс-спектрометра — ацетонитрил, спектральные стандарты, хроматографические колонки — заблокированы Минздравом. Тендер выиграла фирма-прокладка «Фарм-Трейд». Ни грамма растворителей они нам не привезли.

Я открыла выписку ЕГРЮЛ, приколотую к накладным:

— Генеральный директор «Фарм-Трейда» — Ветров Кирилл Андреевич. Племянник первого зампрокурора. Они намеренно оставили бюро без реактивов, чтобы вы не могли идентифицировать формулу яда на месте.

Внезапно в тишине коридора за бронированной дверью кабинета раздались осторожные, крадущиеся шаги. Щелкнула кнопка замка на наружном шлюзе.

Родион мгновенно выпрямился, заслоняя меня широкой спиной, и перехватил тяжелый никелированный фонарь-дубинку. Я левой рукой привычно сдернула с предохранителя пистолет.

Глава

4

Шаги приблизились к двери кабинета. В замочной скважине тихо провернулся дубликат ключа, за дверью Матвеич тихо окликнул нас. Родион снял засов и приоткрыл дверь; в щель просунулась всклокоченная седая борода.

— Командиры, живые? — сипло прошептал старший санитар Матвеич. В руках у старика дымился эмалированный чайник, а под мышкой была зажата стопка свежих махровых полотенец.

Родион выдохнул и опустил фонарь:

— Матвеич, черт старый... Чуть не пристрелили.

— Пристрелишь тут вас, как же, — проворчал санитар, протискиваясь внутрь и ставя чайник на столик. — Я по делу. Титан в санпропускнике я раскочегарил, вода кипятит. Иди, девка, в душ. От тебя порохом разит на весь этаж, а в волосах штукатурка после выстрела. Помойся, пока город спит, а я на воротах постою.

Я посмотрела на свое отражение в темном стекле книжного шкафа: форменная юбка в грязи, шелковая блузка пропитана формалином и потом, лицо серое от усталости. Возвращаться в бой в таком виде было невыносимо.

— Иди, Майя, — мягко сказал Родион. — В шкафчике шлюза чистое белье и полотенца. Твою форму Матвеич просушит в дежурке.

Санпропускник морга встретил меня клубами горячего белого пара. Старый титан гудел ровно и мощно.

Я сбросила перепачканную одежду на пластиковый стул, подошла к зеркалу над раковиной и провела ладонью по лицу. Под глазами залегли тени, на ключице багровел след от удара, но во взгляде не было страха.

Шагнув под обжигающие тугие струи воды, я зажмурилась. Горячая вода смывала въевшийся холод ночи, пороховую гарь, липкий дух морга и недельное напряжение следственной гонки. Я намылила жесткую мочалку куском темного кедрового мыла Матвеича — смолистый, хвойный дух мгновенно заполнил кабинку. Вода уносила боль из мышц, возвращая гибкость телу.

Выключив кран, я вытерлась пушистым полотенцем и открыла металлический шкафчик дежурной смены.

На полке лежала сложенная стопка вещей Родиона: плотная темно-синяя фланелевая рубашка в крупную глухую клетку и шерстяные армейские носки.

Я на секунду замешкалась. Надеть гражданскую одежду мужчины казалось нарушением профессионального кодекса, отказом от привычной казенной брони майора юстиции. Но другого выбора не было — форменная блузка воняла гарью.

Я развернула рубашку и продела руки в рукава.

Ткань была удивительно мягкой, теплой и пахла сухой древесиной, морозным ветром и легким цитрусовым одеколоном Соболева. Рубашка была велика мне размера на три: линия плеч съехала до середины предплечий, а подол закрывал бедра почти до колен, превращаясь в короткое домашнее платье. Я аккуратно подвернула тяжелые манжеты втрое, обнажая запястья, и застегнула пуговицы под самое горло.

Взглянув в запотевшее зеркало, я увидела себя совершенно иной: лицо открытое, живое, без привычной настороженности. Мокрые темные волосы зачесаны назад, на щеках горел румянец, а просторная мужская рубашка подчеркивала тонкую талию и хрупкость шеи лучше любого парадного мундира. Внутри разлилось незнакомое, щемящее чувство абсолютного покоя и защищенности.

Я толкнула дверь дежурки, невольно одергивая подол фланели.

Родион сидел за круглым столом у окна. Услышав скрип петель, он поднял голову — и замер.

Его серые глаза потемнели, скользнув по моим босым ногам, закатанным манжетам и открытой шее. В чертах читалось искреннее, глубокое уважение. На его суровом лице отразилось такое неприкрытое мужское восхищение, что пульс отозвался в висках глухими толчками.

Он медленно поднялся, сглотнул и с трудом вернул голосу ровность:

— Тебе... очень идет, Майя.

— Слишком велика, — смущенно пробормотала я, пряча пальцы в складках фланели.

— В самый раз, — отрезал он, отодвигая стул. — Садись. Матвеич согрел рагу из говядины с картошкой. Тебе нужно поесть.

На столе стояла глубокая глиняная миска с дымящимся, густым рагу, посыпанным свежей петрушкой, и краюха черного хлеба.

После суток голода и бешеного бега этот простой завтрак показался мне вкуснее любого кремлевского банкета. Горячее разварное мясо таяло во рту, согревая изнутри.

— Надо составить перечень статей для Сазонова, — попыталась я завести деловой разговор, зачерпнув вторую ложку. — Там сто пятая через тридцатую, плюс двести семьдесят седьмая, плюс триста третья...

Родион с мягкой усмешкой протянул руку, забрал из моих пальцев ручку и положил на край стола:

— Помолчи хотя бы десять минут, майор. Твои глаза цвета грозового неба сейчас закроются от усталости. Ешь молча. Войну продолжим в шесть.

Я послушно опустила глаза, улыбнувшись про себя. Впервые за долгие годы рядом со мной был мужчина, которому можно было довериться без оглядки.

Внезапно в глубине цокольного коридора тонко и тревожно звякнул медный колокольчик тайного входа со стороны внутреннего двора.

* * *

Родион мгновенно подобрался. Жестом велел мне оставаться на месте, шагнул к выходу и замер у косяка, прислушиваясь.

Через секунду из полумрака шлюза показалась девичья фигура в промокшем сером болоньевом плаще. Капюшон сполз на плечи, открывая бледное, испуганное лицо с заплаканными карими глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.